

А.К. НАЗИМОВА, В.Л. ШЕЙНИС

ПАМЯТИ ДРУГА

«Его нельзя было ни запугать, ни подкупить. Никогда. Он никому не прислуживал. Ни власти, ни системе. Юрий Левада, самый выдающийся, самый объективный российский социолог...» — так польская журналистка в нескольких словах охарактеризовала нашего друга [1]. В трудные и подлые времена и в сменивший их период вспыхнувших было и вскоре обрушенных надежд Юрий Александрович Левада оставался самим собой. А был он подлинным русским интеллигентом — таким, каких очень мало в обществе, где интеллигентность целеустремленно и долго вытравлялась. Он был равнодушен ко всякого рода «пряникам», которыми начальство соблазняло слабых: почестям, регалиям, званиям, наградам, заграничным командировкам и т. п. Зато он хорошо понимал свою роль в науке и обществе и делал то, что, как он полагал, другие сделать вряд ли сумеют.

Он жил в своей стране и в свое время. Не поддавался иллюзиям, но и не приспособлялся к унижительным обстоятельствам работы в наших академических учреждениях. Писал и говорил то, что думал, и никогда не позволял себе утверждать то, во что не верил. Не поддавался широко распространенному поветрию демонстрировать лояльность по отношению к власти имущим.

Можно вспомнить, к примеру, его статью о фашизме, написанную для «Философской энциклопедии» и опубликованную в 1970 г. Статья как статья, отвечающая стандартам, принятым в энциклопедиях, содержащая всю необходимую информацию о феномене фашизма. Но мало-мальски вдумчивый читатель не мог пройти мимо четко сфокусированных инвариантных черт тоталитарных режимов: идеологии «стадного типа», над- и сверхличностного культа государства и вождя, отторжения «буржуазного парламентаризма» и разделения властей, массового характера фашистских партий, наполовину состоявших из рабочих и крестьян, а также некоторых специфических, но колоритных особенностей, таких как «исследовательские лаборатории, [которые] создавались не только в концлагерях, но и в лагерях уничтожения для наиболее эффективного использования направляемых туда научных сил» [2]. «Это про них или про нас?» — написал на

Назимова Алла Константиновна — кандидат экономических наук, доцент; **Шейнис Виктор Леонидович** — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН. **Адрес:** 117335 Москва, ул. Вавилова, д. 91, к. 1, кв. 41. **Телефон:** (499) 132–73–15. **Электронная почта:** nazimova@mtu-net.ru

полях текста пронизательный высокопоставленный чиновник, контролирующий данный участок «идеологического фронта».

Так шло ассоциативное просвещение читателя, оторванного от источников серьезной социальной и исторической информации. Но то был лишь поверхностный просветительский слой. Намного труднее и важнее было противопоставить формулам примитивного катехизиса, который был положен в основу советской гуманитарной образовательной системы на всех уровнях, реальное позитивное знание, отвечавшее достижениям общественной науки XX века, которое то объявлялось лженаукой, то попросту игнорировалось. Эту задачу Левада решал мастерски в курсе социологии, который он читал в Московском университете. Он рассказывал студентам, что такое социология, с которой только что сняли клеймо «буржуазной лженауки» и «служанки империализма», но в которой продолжали видеть опасный рассадник «идеологических диверсий». Сказать, что он не укладывался в рамки привычного истмата, — значит сказать очень мало. Левада не только знакомил своих слушателей с классиками современной социологии, мало кому тогда известными в СССР, но и, раздвигая горизонты знания о законах, по которым живет общество, вторгался в смежные области философии, культурологии, истории. Понятно, что лектор, пришедший в студенческую аудиторию с таким багажом, должен был вызвать интерес. Впрочем, не только нормальный и бескорыстный.

Он был слишком независимым человеком, чтобы те, кому надлежало насаждать и поддерживать «идеологическую дисциплину», могли не заметить, что он инороден охраняемому ими режиму. Во времена чуть более ранние такой человек был бы неминуемо обречен. Но и в 1950–1970-е годы власть располагала немалым арсеналом средств, чтобы изолировать, исключить из профессиональной жизни тех, кого ей не удавалось поставить себе на службу. «Запрет на профессии» был одним из самых универсальных.

Полтора века тому назад Николай I запретил Тарасу Шевченко писать и рисовать. В новые времена чиновники от идеологии, возглавлявшие различные научные учреждения, издательства и университеты, ознакомившись с лекциями Левады, перекрыли ему путь в печать и в студенческую аудиторию.

Вместе с тем лекции Левады послужили одним из предлогов, спровоцировавших разгром академического социологического института. Когда вместо академика А.М. Румянцева был назначен новый директор, вслед за Левадой из института ушли или были изгнаны люди, которые собственно и вернули социологию как науку и вместе с этим — полевые исследования в советское научное пространство. Но в системе идеологического контроля к тому времени образовались прорехи. Левада ко времени начавшихся гонений на него был слишком крупной фигурой, был слишком на виду, чтобы его изгнание

прошло незамеченным. Место для него нашлось в непрофильном институте. Левада остался и в науке, и в социальной жизни. Его не удалось сломать. Лишение элементарных условий деятельности ученого — общения с широким кругом учеников и читателей — угнетало, но не мешало ему читать, наблюдать жизнь, думать, делиться своими размышлениями с единомышленниками. Он стал организатором и главным интеллектуальным мотором ряда неофициальных, но формализованных семинаров с докладами, заранее оговоренными повесткой дня, и варьирующимся составом участников. Эти семинары существовали несколько лет, и посещение их было для каждого из нас событием.

Одно из завидных свойств характера и позиции Юрия Александровича — зоркость и некоторая эмоциональная отстраненность в оценках людей. Понимание того, что моральные проблемы не существуют вне социальных рамок (в годы сталинского террора морального выбора у людей практически не было), возможности выбора разных позиций появились позже, говорил он в программном гарвардском интервью Д. Шалину. Предъявляя крайне жесткие требования к себе, пренебрегая действительными или мнимыми опасностями открытого общения с советскими гражданами, ставшими неприкасаемыми, он не склонен был сурово судить своих «добрых приятелей», увлекшихся «маневрированием». И даже в отношении к откровенным гангстерам в науке он умел подавлять (может быть, выводить на периферию своего взгляда) личные оценки. Эти люди вызывали у него чисто профессиональный интерес как общественное явление, функция, порожденная определенными условиями.

На старте своей научной карьеры он не погнушался вступить в партию и даже занял мелкую партийную должность. Это, как он позже объяснял, «немножко связывало руки» людям определенного пошиба, но и немножко помогало что-то делать полезное. А когда он был замечен в отклонении от принятых идеологических стандартов и подвергнут карам, — не маневрировал, не уподоблялся тем, кому приходилось, по его словам, бегать, светиться, изображать себя в меру критичными в глазах одних и в меру верноподданными — в глазах других.

Здесь хочется сделать одно отвлечение личного порядка. О Леваде как незаурядном ученом и смелом человеке мы знали, еще живя в Ленинграде, но познакомились, только переехав в 1977 г. в Москву. Первая встреча случилась тогда же, в доме Михаила Яковлевича Гефтера, куда хозяин пригласил некоторых своих московских друзей и бывшего аргентинского «левака», в то время профессора Сорбонны. Было интересно услышать, как видятся мировые и московские проблемы человеку из иной среды, проделавшему непростую идейную эволюцию. Помнится, Левада, которого мы тогда увидели впервые, задавал зарубежному гостю очень точные вопросы, а его краткие реплики были содержательны и глубоки. Эта встреча положила начало

дружеским отношениям с Юрием Александровичем, которые стали для нас настоящим подарком в тогда еще чужой Москве.

Позже, начиная с 1979–1980 гг., наш друг Леонид Абрамович Гордон стал инициатором регулярных встреч, непременным участником которых был и Юрий Александрович. Это были не просто дружеские застолья в домашней обстановке, «без пиджаков», но своего рода «мозговые штурмы» волновавших нас всех проблем. Обменивались информацией, обсуждали происходящее (а событий тогда было много — и Афганистан, и Польша, и дела у нас в стране), спорили, выстраивали вероятные — и самые невероятные — сценарии дальнейшего развития. По мере того как события убыстряли темп, наши посиделки становились более частыми.

Встречи такого рода практически прекратились с перестройкой, когда дискуссии были перенесены на более широкие площадки, собиравшие сотни людей, — клубы «Перестройка», «Московская трибуна», семинар, организованный в ЦЭМИ Татьяной Ноткиной. Дискуссии становились не столько научными, сколько политическими — этого требовало время.

Во время перестройки впервые в нашей стране был организован Всесоюзный центр по изучению общественного мнения (ВЦИОМ), директором которого стала Т.И. Заславская, а затем — Ю.А. Левада. Так он оказался во главе коллектива своих научных и политических единомышленников, многие из которых работали с ним уже много лет. Нам со стороны было радостно видеть, как изменилась роль Юрия Александровича, который прежде, может быть, и не вполне справедливо, называл себя волком-одиночкой. Работа ВЦИОМа получила заслуженное признание в стране и за рубежом. Это требовало постоянной напряженной работы — надо было торопиться зафиксировать, передать людям весь накопленный опыт долголетней работы, угнаться за стремительным ходом событий. Почти в каждом номере журнала, издаваемого с 1993 г. сначала ВЦИОМом, а затем «Левада-Центром», появлялись его статьи, теоретически обобщавшие итоги проводимых исследований. Теперь они изданы в двух больших авторских сборниках — монументальных памятниках переломного времени [3, 4]. В них представлена динамическая, многоплановая картина того, что происходило в нашем обществе в перестроечные и постперестроечные годы. И только отталкиваясь от колоссального труда, воплощенного в работах Левады и его сотрудников, можно со знанием дела размышлять о перспективах дальнейшего развития нашей страны, всерьез заниматься моделированием предстоящих — вероятных и маловероятных — событий.

Востребованный во времена горбачевской перестройки ВЦИОМ постепенно переставал отвечать запросам власть имущих. При Ельцине его терпели, с ним считались. Профессиональный авторитет

ВЦИОМа, его марка — гарантия объективности и высокого научного уровня, признанная в мире, понадобились людям из администрации В. Путина для сооружения подпорок «управляемой демократии». Левада явно не годился на роль «идеологической obsługi», поэтому была проведена «спецоперация». Так как ВЦИОМ юридически представлял государственное унитарное учреждение (хотя существовал в основном за счет заказов заинтересованных организаций), в августе 2003 года, после ряда безуспешных попыток изменить статус сложившегося научного коллектива и внедрить в него на руководящую должность удобного человека, Министерство имущественных отношений РФ приняло решение преобразовать ВЦИОМ в ОАО «Всероссийский центр изучения общественного мнения», поставившее деятельность Центра под контроль государственных структур. В государственных якобы интересах на место Левады был назначен другой человек. Но здесь произошли события, которые могли предвидеть далеко не все. Сотрудники в полном составе вслед за Левадой перешли на заранее подготовленные позиции — в Центр, оформленный на иной юридической основе, который с марта 2004 г. носит название Аналитического центра Юрия Левады («Левада-Центра»). Ибо имя этого социолога в сознании российских и зарубежных ученых ассоциируется с высоким уровнем социальных исследований, объективностью и профессиональной честностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левандовская И.* Мы всегда могли рассчитывать на него // Новая Польша. 2007. № 1. С. 3.
2. *Философская энциклопедия: Т. 5. / Гл. ред. Ф.В. Константинов.* М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 304–308.
3. *Левада Ю.* От мнения к пониманию: социологические очерки. 1993–2000. М.: Школа политических исследований, 2000;
4. *Левада Ю.* Ищем человека: социологические очерки. 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.